

ЮРИЙ БРАЙДЕР.
НИКОЛАЙ ЧАДОВИЧ.

ТЕЛЕПАТИЧЕСКОЕ РУЖЬЁ.

рассказ.

1987 г.

Когда Иван во втором часу ночи подошел к своему дому, у калитки его ожидали двое.

— Сургучёв И. Б.? — спросил один из них.

— Ага, — ответил Иван.

— Тысяча девятьсот шестидесятого года рождения?

— Да. А в чем дело?

Неизвестный, несмотря на темноту, сделал пометку в какой-то бумаге.

— Распишитесь здесь и здесь, — сказал он.

— Зачем?

— Это пустая формальность. Такой порядок.

— Слушай, дядя, — проникновенно сказал Иван. — Шел бы ты отсюда!

В голове его был легкий туман, а в ушах всё еще звучала зажигательная дискотечная музыка.

— У нас мало времени, — скучным голосом сказал неизвестный. — Сегодня уже воскресенье. В понедельник утром, возможно, на Марсе начнутся военные действия. Двенадцать часов назад объявлена выборочная мобилизация почти во всех витках нашей Галактики. Земля должна выставить каждого двухмиллиардного. Вы внесены в списки. Нужно спешить.

— Ну, я пошел, — сказал Иван. — Бывайте здоровы! — Кулаки его зудели, но связываться сразу с двумя не хотелось.

— Подождите! — услышал он вслед. — С живыми уж очень много возни. Да и вам так будет спокойнее.

Иван обернулся. Тот из психов, который всё время молчал, правой рукой вытащил из-за пазухи тускло блеснувший в лунном свете пистолет, а левой ловко подсоединил к стволу длинную трубку.

— Эй, брось! — закричал Иван.

о о о

Прежде чем очнуться, он вновь пережил всё это: и горячий пронзающий удар в бок, и трепет разорванных внутренностей, и вкус хлынувшей из горла крови, и собственную короткую агонию.

Иван лежал на чем-то жестком и холодном, плотно упакованный в пахнувшую пылью мешковину. Рот и глаза были заклеены. В груди саднило. Ни рук, ни ног он не ощущал.

— Пломба в порядке, — сказал кто-то над ним. Голос напоминал визг обреченного на смерть поросенка. — Где там нож?

— Ты не очень-то, — сказал другой голос, спокойный и властный. — Тряпки здесь дороже золота.

Послышался треск разрезаемой ткани, и голого, окоченевшего Ивана вытряхнули из мешка.

— Антропоид, — сказал первый голос разочарованно. — Опять антропоид!

— Ну и что! — возразил второй. — Из них получаются самые лучшие солдаты. Правда, жрут они много, это точно. Что там еще?

— Товарная бирка.

«Класс: теплокровный позвоночный, кислорододышащий. Отряд: антропоиды. Раса: гоминид. Способ ассимиляции: Б. Способ диссимиляции: Б. Коэффициент жизнеспособности: 3,01. Степень разумности: А7. Сорт: 2».

— Всё?

— Нет. Еще инструкция: «При соблюдении нижеследующих правил данный индивидуум сохраняет жизнедеятельность и жизнеспособность на неопределенно долгий срок...».

— Хватит! Как-нибудь и без инструкции разберемся. Отдери с нею пластырь. Пусть очухается.

Какие-то смутные тени шевелились вокруг Ивана, что-то звякало рядом. Игла шприца несколько раз впивалась в предплечье, но он засыпал вновь и вновь. Прошло немало времени, прежде чем Иван разглядел огромный, темный, заваленный каким-то ржавым хламом подвал и склонившуюся над ним фигуру в долгополой шубе и в чем-то вроде мотоциклетного шлема на голове.

— Вставай, приятель, — сказало существо в шубе и шлеме. — Набери побольше воздуха и не спеши его выпускать. Тебе сделали небольшую операцию, и теперь твои легкие могут усваивать значительно больше кислорода, чем раньше. И речь нашу ты понимаешь свободно. Марсианская медицина — это тебе не что-нибудь!

— Так вы, значит, марсианин? — спросил Иван, еле шевеля губами.

— Нет, я с Земли, как и ты.

— Значит, и вас тоже... — большим пальцем правой руки Иван сделал неопределенный жест возле своего горла.

— Пусть бы только попробовали! Я — доброволец. Солдат удачи, так сказать. Платят здесь прилично, да и служба не из тяжелых. Я в таких делах разбираюсь. Меньше чем за двести монет в день не нанимался. А здесь обещали в десять раз больше, неплохо, как считаешь? Ты бы тоже не отказался, да?

— Может быть, — пробормотал Иван.

— Кстати, а ты где жил на Земле?

— Возле Минска.

— Это... где-то в Монголии?..

— Примерно, — просипел Иван. Он никак не мог понять, шутят с ним или говорят серьезно.

— Ну, тогда порядок! Монголы — парни что надо! Слышал я кое-что... Чингисхан, да?

— Да... — согласился совсем ошалевший Иван.

— Можешь звать меня сержантом. Правда, званий тут никаких нет, но я привык, чтобы меня так называли. Скоро ты сам все узнаешь. Познакомишься с ребятами. Кого тут только нет! Одни дышат кислородом, другие — сероводородом, а третьи — не то фтором, не то хлором. Есть и рогатые, и хвостатые, и с крокодильими мордами. Но, впрочем, настоящих солдат мало... Да, кстати! На, поешь.

Сержант протянул Ивану твердый сухой брикет размером с кирпич.

— Это унифицированный паек, — объяснил он. — Бифштекс, конечно, вкуснее, но не готовить же его для тебя одного. Если тебе захочется бифштексов или, к примеру, яичницы, то какой-нибудь придурок из созвездия Персея потребует пирожков с цианистым калием. Так что привыкай... Хотя ты, наверное, и дома досыта не жрал?

— Жрал, — ответил Иван, давясь унифицированным пайком.

— Да, учти — предупредил сержант. — На довольствие тебя поставят только с завтрашнего дня. Так что эту порцию придется возместить. Выбирай: или по трети три дня, иди по четверти — четыре.

— По половине — два, — сказал Иван. — Теперь попить бы чего...

— А вот про это — забудь! Ты не на Земле. В унифицированном пайке содержатся все вещества, необходимые для жизни. В том числе, и жидкость в связанном виде.

По крайней мере, от жажды ты не умрешь. Вот ведомость. Распишись. Комплект белья, комбинезон с подогревом, пара обуви, носки, шуба, шлем, два подшлемника, перчатки, кислородный аппарат. Белья, правда, пока нет. Получишь позже. Одевайся... Ну, как? Нигде не жмет? Пройдись... Отлично! А теперь выбери себе оружие. — Сержант

указал на кучу металлолома, сваленного вдоль стены.

Подойдя поближе, Иван увидел, что это оружие различных типов и систем — почти всё сплошь покрытое коррозией, обгорелое и покореженное. Потоптавшись немного возле этой фантастической свалки, он подобрал лежащее с краю небольшое, довольно изящное устройство, похожее на ружьё для подводной охоты.

— Ну, нет! — запротестовал сержант. — Разве это оружие для настоящего мужчины!

Кряхтя, он вытащил из кучи что-то тяжелое и длинное, как средневековая пиццаль.

— Бери. Только почисть хорошенько, — сказал сержант. — А теперь пошли. Я покажу тебе казарму. Старайся занять на нарах нижнее место. Там легче дышится.

Сержант последовательно открыл одну за другой три герметичные двери и, прежде чем вытолкать Ивана наружу, сказал:

— Глотни хорошенько воздуха. Он накопится у тебя в мышцах и крови, как у кита. Одного глубокого вдоха хватит минут на тридцать-сорок. Пошли.

Холод и ветер сразу же ослепили Ивана. Он закашлялся. Оранжевая равнина, вся усыпанная черно-красными булыжниками, дымилась ледяной пылью. Почва звенела под ногами. Кое-где, по клубам пара, поднимавшимся к фиолетовому небу, можно было угадать выходы подземных жилищ. Квадратный кусок равнины был тщательно очищен от камней и выровнен. Несколько фигур, закутанных в грязно красные маскировочные халаты, шатаясь от ветра, разучивали строевые упражнения. В сторонке торчал добротный сработанный дощатый туалет.

— Первая цивилизованная уборная на Марсе, — гордо сказал сержант. — Построена по моему проекту.

В зловонной темноте казармы храпели, стонали и бредили во сне разнообразнейшие разумные существа, волею злого случая собранные здесь со всех уголков Галактики. С нар свешивались волосатые хвосты, чешуйчатые клешни, могучие хоботы и похожие на вареную вермишель щупальца.

Не найдя свободного места, Иван присел на нижние нары, возле свернувшейся клубком косматой туши. Нащипав из подстилки ветоши и набрав с пола горсть красного песка, он принялся сдирать ржавчину с толстого конического ствола.

— Я У-90М номер 0116, телепатическое ружьё универсального типа, модернизированное, — услышал он вдруг четкую негромкую фразу. При этом что-то несильно кольнуло Ивана в виски. — В прикладе находится инструкция по обращению со мной. Она напечатана на всех основных языках Галактики.

После того как Ивана в замороженном виде отправили на Марс, он уже ничему не удивлялся. Из пенала в прикладе извлек несколько свернутых в трубку тонких голубоватых листков бумаги и минут десять сосредоточенно разглядывал их со всех сторон.

— Я ничего не могу понять, — наконец сказал он, обращаясь к куску проржавевшего железа.

— Говорить вслух совсем не обязательно. Я и так всё понимаю, — слова возникали в сознании Ивана как бы сами собой. Мягкая, словно бы женская интонация. И, судя по всему, их никто больше не слышал. — Поскольку ты неграмотный, мне придется объяснить всё самой. Но это потребует уйму времени и энергии. Я не болтуня. Мое назначение — уничтожать противника. Для этого тебе достаточно мысленно произнести приказ и снять блокировку с исполнительного механизма. Из тысячи объектов я безошибочно выберу нужный и

уничтожу максимально приемлемым способом. К примеру, если цель находится в толпе, я посылаю обыкновенную пулю, калибр которой зависит от массы и живучести этой цели. Если она находится в укрытии — стреляю кумулятивной гранатой или ядерной боеголовкой. Кроме того, я могу поражать противника электрическим разрядом, лазерным лучом, гравитационным ударом, отравленной стрелой, бактериологической ампулой, психической энергией, ультразвуком, холодом и нейтронным излучением. Бури, землетрясения, затмения светил и вспышки сверхновых для меня не помеха.

— И ты никогда не промахиваешься? — удивленно спросил Иван. Фразы он уже не произносил вслух, а строил в уме.

— Никогда. Ни одно телепатическое ружьё еще ни разу не промахнулось. Марсиане знали, чего хотели, когда создавали нас. Потому-то так трудно сейчас встретить настоящего марсианина!

— А сама ты стрелять не можешь?

— К сожалению — нет. Только стрелок может снять блокировку. Но буду я стрелять после этого или нет, определяю уже я сама. Мы, телепатические ружья, очень впечатлительны! И требуем к себе достойного отношения. Мой прежний хозяин был порядочным невеждой. Дикарь с какой-то периферийной планеты. Кстати, а ты откуда?

— Я с Земли.

— Так твоя планета называется?

— Да.

— Мне это ничего не говорит. Дет через сто она будет называться совсем по-другому. Наша бедная планета как только не называлась на моей памяти... Да, а как ты собираешься производить выстрел?

— В каком смысле?

— В самом простом! Неужели мне нужно разжевывать тебе каждую мелочь? Как ты

собираешься стрелять? Будешь ли ты держать меня передними конечностями, а выстрел производить задними, или, быть может, тебе удобнее носить меня в мускульной сумке, а стрелять клювом или нижней губой? Объясни, что у тебя — клешни, крылья, щупальца, хватальные рожки, мандибулы, псевдоподии?

— У меня руки. Две.

— Неплохо. Что на них: копыта, присоски, гребала?

— Пальцы.

— Сколько?

— По пять.

— Какое же спусковое устройство тебе подойдет? Может быть, кнопка?

— Да нет. Лучше что-нибудь похожее на...
— Иван задумался, подыскивая нужное слово, — ...ну, такую небольшую изогнутую пластинку.

— Спусковой крючок тебе, что ли, нужен?
Так бы и сказал сразу! В каком месте?
Приложи туда палец.

Через секунду на указанном Иваном месте стал выпячиваться бугорок. Вскоре он превратился во вполне приличный спусковой крючок, правда, без скобы.

— Мы способны к саморегулировке, — гордо сказала ружьё.

— А откуда вы для этого берете энергию?

— Отовсюду. Из солнечного света, воздуха, песка, твоего дыхания. А сейчас разбери меня и почисти. Особое внимание обрати на клапан компрессора и газоотводную трубку.

Заснул Иван, сидя, зажав ружьё между колен.

○ ○ ○

Разбудил его голос сержанта.

— Подъем! Подъем! — орал тот. —
Получить паек! Одна минута на завтрак!
Выходи строиться!

Иван сразу вспомнил всё, что с ним случилось накануне, и впервые всерьёз осознал ужас своего положения. Мир без травы и воды, мир без цветов и деревьев, без апреля и августа, без книг, без телевизора, без друзей и невесты, без шашлыков и «Жигулевского», мир, совершенно не приспособленный для существования человека, — вот что ожидало его отныне.

— Извините, — кто-то тронул Ивана за локоть.

Он обернулся и увидел существо, всем своим видом напоминавшее большого грустного кенгуру. На нем были мешковатый комбинезон и растоптанные тапки огромного размера. Свой шлем кенгуру держал под мышкой. Длинный толстый хвост был обмотан тряпьем и перевязан веревочками.

Круглые черные глаза внимательно глядели на Ивана.

— Извините, — повторил он. — Вы землянин?

— Да.

— Вы соотечественник сержанта?

— Это как сказать... В некотором роде — да.

— У меня к вам просьба, — сказал кенгуру. — Моя планета очень далеко отсюда. А здесь холодно и плохо. Кроме того, в некоторые периоды жизни мы надолго засыпаем. И как раз сейчас у меня наступил такой период. Но сержант не разрешает мне спать долго. Он говорит, что с меня и восьми часов хватит. Если бы он разрешил поспать хотя бы суток семьсот, я бы потом смог очень долго бодрствовать. Но я очень боюсь сержанта. Поговорите с ним, пожалуйста. Очень вас прошу.

— Хорошо, — согласился Иван. — Я попробую.

— В строй! Кто там копается? — закричал сержант. — Эй, хвостатый, бегом на место! А ты, новенький, не болтай с ним!

На плацу сержант построил отряд в колонну по четыре. В первых рядах стояли существа, имевшие по две ноги. За ними трехногие, четырехногие и так далее по возрастающей. В затылок им выстроились те, кто ползал, прыгал по-лягушачьи и перекачивался наподобие шаров. Позади всех оказался сосед Ивана по нарам — толстый, косматый медведь. Он был совершенно неразумен, но в его густой шерсти обитала колония высокоорганизованных насекомых, составлявших коллективный разум и сумевших полностью подчинить себе организм зверя. До прибытия на Марс медведь мог дать сто очков вперед любому интеллектуалу из центра Галактики, но насекомые от холода постепенно впадали в транс, и бедный медведь глупел на глазах.

— Равняйся! — подал команду сержант. —
Подобрали, подобрали животы! Смирно!
Шагом марш!

Иван маршировал на левом фланге первой шеренги. Едкая колючая пыль забивала нос и глаза, а ветер буквально срывал одежду. После команды «кругом» он, подгоняемый ревущим вихрем, прошагал по прямой еще метров пять.

— Левой! Левой! — орал сержант, поминутно отплевываясь. — Выше ногу! Не гнуть колени! Прекратить разговоры в строю! Ну и что с того, что у тебя в ноге шесть суставов? Левой! Левой! Откуда вы только взялись на мою голову!

Во время очередного перестроения Иван упал и вместе с ружьём катился до тех пор, пока не застрял в какой-то трещине.

о о о

После строевых занятий были проведены учения по инженерно-строительной подготовке. Поскольку по причине

чрезвычайной твердости марсианского грунта окапываться было невозможно, сержант приказал строить индивидуальные укрытия из камней, которые в изобилии валялись вокруг плаца. Вскоре все подходящие булыжники с наветренной стороны были собраны, и пришла очередь таскать камни против ветра. Это был поистине сизифов труд! Ничего не соображавший медведь рыл носом во всех направлениях и, случайно наткнувшись на чье-либо уже почти готовое сооружение, разваливал его, как бульдозер.

Первым работу окончил представитель звезды Альфарет из созвездия Пегаса — существо, похожее на стегозавра, каким его изображают в книгах по палеонтологии. Каждая из восьми пар его могучих конечностей, прикрытых костяными щитками, была строго специализирована — одна рыла, другая толкала, третья цеплялась за горизонтальные поверхности, четвертая — за вертикальные и так далее.

Для длинного, как жираф, нескладного денебца укрытие достраивали всем отрядом. При этом совершенно выбившийся из сил Иван вслух усомнился в целесообразности учений и в надежности воздвигнутых при его участии фортификационных сооружений. Сержант внимательно посмотрел на него, но ничего не сказал.

Собирая камни, Иван сделал для себя одно открытие — к расчищенному куску красной пустыни не вела извне ни одна дорога. Ничего похожего на посадочную площадку для самолетов, вертолетов или ракет также не имелось. Любые следы, удалявшиеся от плаца — а их отпечатки неплохо просматривались на подветренных склонах холмов и в ложбинах, — сделав петлю, в конце концов, возвращались обратно. Дальше всех обычно уходил странный широкий след, который могли оставить штук десять связанных между собой веников. Трудно было даже догадаться, кому он принадлежал — живому существу или

механизму. След этот имел еще одну особенность — он аккуратно повторял все изгибы наиболее крупных трещин.

○ ○ ○

Во второй половине дня, после обеда, ничем, впрочем, не отличавшегося от завтрака, сержант обрисовал в общих чертах сложившуюся на Марсе внутриполитическую обстановку.

Жизнь появилась здесь на полмиллиарда лет раньше, чем на Земле, и развивалась более быстрыми темпами. В болотах и лагунах зеленой планеты еще квакали первые рептилии, когда ее старшая соседка уже вступила в технологическую эру. Примерно в этот же период на Марсе стала ощущаться нехватка воды. Сначала высохли открытые источники, потом иссякла влага в недрах. Сохранилась лишь та вода, что в виде снега и льда скопилась на полюсах. Каждые полгода, в определенный период, та из полярных шапок, которая оказывалась ближе к Солнцу, начинала таять, и вода по

сети специальных коллекторов, проложенных под поверхностью планеты, устремлялась к экватору. Поскольку все попытки наладить ее разумное распределение заканчивались безуспешно, дележка стала осуществляться силой оружия. Стычки происходили регулярно два раза в год. Постепенно интервалы между ними сокращались, и война приобрела непрерывный характер. Само собой, марсианам уже некогда было думать о чем-то другом, кроме совершенствования средств нападения и защиты. Со временем всё это пагубно отразилось не только на почве, атмосфере и растительном мире планеты, но и на численности местного народонаселения. Поэтому противоборствующие стороны прибегли к импорту военной силы с других планет Галактики

— Начало таяния северной полярной шапки ожидается со дня на день, — сказал сержант далее. — В связи с этим всем

необходимо соблюдать бдительность и дисциплину. Как только будет получен соответствующий приказ, отряд немедленно приступит к боевым действиям.

— И сколько примерно придется ждать? — спросил Иван.

— Приказ может поступить уже сегодня, а может и через дней двадцать-тридцать.

— Ничего себе! — сказал Иван. — У меня и так уже выговор за прогулы!

— Марсианская транспортная техника способна вернуть любого из вас не только в то место, откуда он был взят, но и в тот же самый момент времени.

Здесь сержант сделал глубокий вдох и уже совсем другим голосом объявил, что, по имеющимся у него сведениям, среди личного состава циркулируют слухи о том, что марсианские войны давным-давно окончились. Что сами марсиане якобы или поголовно вымерли, или, плюнув на всё, удрали со своей проклятой планеты. Будто

бы существующее положение вещей поддерживается сошедшими с ума штабными компьютерами, всё еще функционирующими в недрах планеты, да корыстными побуждениями профессиональных наемников, греющих на этом деле руки. Однако всё это наглая клевета и дезинформация. Лица, виновные в распространении подобных слухов, будут выявлены и строго наказаны.

— За этим я прослежу лично, — закончил сержант. — Вопросы есть? Нет. Разойтись. После перерыва всем заняться изучением личного оружия!

Сказав это, сержант удалился так быстро, что Иван даже не успел выполнить обещание, данное утром кенгуру.

о о о

Своего нового знакомого Иван разыскал в самом темном углу казармы, где тот, сидя на нарах, уныло тер тряпкой свое оружие —

длинную и тонкую кочергу с параболическим излучателем на конце. Со сном кенгуру боролся следующим образом: на шею была надета веревочная петля, свободным концом привязанная к перекладине верхних нар. Как только голова кенгуру начинала клониться вниз, веревка натягивалась, петля сдавливала горло, и сон на время пропадал.

— Я не успел сегодня поговорить с сержантом, — сказал Иван. — Завтра я это обязательно сделаю.

— Хорошо, — сказал кенгуру покорно. — Спасибо.

— Может, ты понимаешь здесь что-нибудь? — Иван развернул инструкцию по использованию телепатического ружья.

Уходить Ивану не хотелось. Всё же кенгуру был единственным существом, не считая, конечно, сержанта, с которым Иван перекинулся здесь хоть парой слов.

— Нет, — ответил кенгуру. — Иностранные языки у нас изучают только в высших

школах. А я, до того как попал сюда, окончил лишь семьдесят три класса. Спросите у него, — кенгуру указал на верхние нары. Там восседала куча фиолетовых перьев, из которых торчала лысая голова с хищным клювом.

— Я был старшим библиотекарем на планете Шиддам, — прошипела фиолетовая птица, косясь на Ивана кроваво-красным глазом. — Хотя информация у нас регистрируется на кремниевых микроматрицах, я имел доступ в архивы, где хранились записи на коже, бумаге, ткани, черепаших панцирях, деревянных дощечках, глиняных табличках и свинцовых листах. Таким образом, я изучил все основные языки Галактики.

Он ловко перелистал двупалой когтистой лапой голубоватые листки и углубился в чтение.

— Там должно быть что-то о неисправностях и их ремонте, — подсказал Иван.

За весьма короткое время их знакомства ружьё успело замучить Ивана болтовней о давным-давно забытых атаках и контратаках. Судя по фантастическим деталям, большинство из этих историй было чистейшим вымыслом. По соображениям Ивана, нормальный боевой аппарат не должен был нести подобную чушь.

— Вот, слушай, — сказал библиотекарь. — «Характер неисправности: процент попадания ниже ста. Причины неисправности: разрегулировался блок эффективности. Способ устранения неисправности: настроить блок согласно пункту 2 части третьей настоящей инструкции».

— Не то, — сказал Иван. — Читай дальше.

— «Нарушение телепатического контакта со стрелком...».

— Нет.

— «Задержка выстрела...».

— Нет.

— «Разговоры на темы, прямо не касающиеся функционирования...».

— Вот, вот! Читай!

— «...Употребление местоимений. Способность задавать вопросы. Причины неисправности: общая изношенность основных узлов, наличие сообщений и коротких замыканий в соединительных цепях. Способ устранения неисправности: ремонт в оружейной мастерской специалистом не ниже десятого разряда».

— Ясно, — сказал Иван. — Благодарю.

Ни одного мастера по ремонту телепатических ружей он не знал. А тем более специалиста десятого разряда.

○ ○ ○

На следующее утро ветер дул с прежней силой и в том же направлении. Глядя на стремительный полет красной поземки, Иван

подумал, что любая горсть песка, которая проносится сейчас мимо него, сделав за пару недель полный оборот вокруг Марса, в конце концов, снова окажется на этом месте.

Сержант на подъеме не появился, и большая часть отряда вскоре вернулась в казарму. Кенгуру залез в свою петлю, а Иван завалился на нары. Пока он дремал, медведь вместо своей порции унифицированного пайка сожрал его левый ботинок.

Проснулся Иван примерно в полдень. Проклиная глупого зверя, он обмотал ногу куском одеяла и отправился на поиски сержанта, желая передать ему просьбу кенгуру. Заодно он хотел произвести небольшую разведку, а в случае удачи — спереть или выпросить недостающий ботинок.

В мрачном подвале, где двое суток тому назад Иван впервые услышал марсианскую речь, его встретило маленькое черное и горбатое существо — то самое, которое вспарывало мешок. При особе сержанта оно

исполняло роль секретаря, так как никогда и ничего не забывало и при желании могло детально изложить все события своей жизни от самого момента рождения. Для страдающего провалами памяти сержанта это был, конечно, незаменимый помощник. В разговоры с Иваном карлик вступать не стал, указать местопребывание сержанта отказался и новый ботинок не выдал. С достоинством удалившись, Иван обошел затем весь плац, заглянул во все незапертые двери, переговорил со всеми встречными и, не узнав ничего нового, вернулся в казарму.

Сержант в это время отнюдь не был занят каким-нибудь неотложным делом. Забравшись в один из укромных уголков лагеря, он в одиночку хлестал спирт, предназначенный для профилактики некоторых видов оружия. Закусывал он, конечно же, не унифицированным пайком, а неприкосновенным запасом, хранившимся в герметичной упаковке неизвестно с каких времен. Самым интересным было то, что

угадать заранее содержимое очередной банки было совершенно невозможно. Там могли оказаться, к примеру, вареные сосиски или абрикосовый компот, а могли — муравьиные яйца, щепка какого-то дерева, соленые обезьяньи уши или что-нибудь такое, от чего нормальный человек терял аппетит дней на десять.

Спихнув с нар медведя, Иван улегся на его место, взял в руки ружьё — общаться они могли только при прямом контакте — и спросил:

— Послушай, что будет с нами, когда вся эта катавасия кончится? Куда нас денут?

— Не знаю. Меня это не касается.

— Может быть, кто-то упоминал при тебе, каким способом новобранцы попадают на Марс?

— Нет. Ничего такого я не слышала. Ты лучше скажи — какие новости? Скоро ли в бой? Тоскую я по настоящей работе.

— Что-то темнят начальники.

— Труссы поганые! Я бы на твоём месте их давно разогнала.

— А что, это идея! — Иван даже сел. — Ты поможешь мне, а я...

— И ты сразу начнешь военные действия!

— Обязательно, — сказал Иван, поспешно убирая с ружья руки, чтобы ненароком не выдать своих мыслей.

— Ну и постреляем же мы!.. — только и успело воскликнуть ружьё.

о о о

На рассвете, опухший, как утопленник, и злой, как цепной кобель, сержант лично поднял отряд и выстроил его на плацу.

После долгих часов изнурительной муштры, в один из коротких перерывов, Иван наедине изложил сержанту просьбу кенгуру. Во время разговора сержант всё время глядел куда-то в сторону, мимо Ивана.

Едва тот кончил, сержант медленно и веско заговорил:

— Когда ползучие архенарцы не могут освоить строевых приемов, я могу это понять. Я могу понять вшивого медведя, не способного изучить материальную часть гравитационного пистолета. Я даже могу понять твоего хвостатого друга, вечно засыпающего в строю. Но когда всё это вытворяет землянин — надежда и опора марсианской армии, он не получит у меня никакого снисхождения. Это первое, что я хотел тебе сказать. Теперь — второе: любая жалоба, поданная не по форме, отклоняется. И, наконец, третье: ты чересчур шустрый парень. Вчера ты целый день лазил по лагерю и чесал языком о вещах, тебя совершенно не касающихся. Запомни — отсюда ты уйдешь только после моего разрешения, или тебя унесут ногами вперед. Видал я и не таких!

Взгляд сержанта был по-прежнему прикован к одной точке, и, проследив его

направление, Иван понял, что тот смотрит на одиноко торчащий в дальнем конце плаца туалет.

— Ты думаешь, я построил его для красоты или для удовлетворения ваших поганных физиологических нужд? Нет! Туалет — незаменимая вещь для перевоспитания таких пташек, как ты. Ничто так не дисциплинирует, как его уборка. Зови своего хвостатого друга, получите на складе инвентарь, и чтобы к утру там была чистота, как в оперном театре. Ясно?

Словарный запас марсианского языка был не особенно разнообразен, но Иван всё же подыскал пару подходящих к случаю слов.

— Об этом ты пожалеешь, — по-прежнему не повышая голоса, сказал сержант и отвернулся.

Его спокойствие и сбило Ивана с толку. Прыжок сержанта был так резок и неожидан, что Иван не успел вовремя отреагировать. Из глаз посыпались искры, да такие

обильные, словно в его черепной коробке заработал сварочный аппарат. Он упал на спину, затем быстро перевернулся, стараясь поймать выпавшее из рук ружьё — и уткнулся носом в короткую, зловещего вида штуковину, зажатую в лапе сержанта.

— Вот так-то! — сказал сержант, поставив ногу на телепатическое ружьё. — Запомни. Я был чемпионом Западного побережья по боксу среди любителей. Впрочем, откуда вам, монголам, знать, что такое настоящий бокс!

А теперь за работу! Результаты я проверю лично!

◦ ◦ ◦

Через полчаса Иван в сопровождении кенгуру подошел к туалету. Одной рукой он прикладывал к заплывшему глазу плоский голыш (бесспорное доказательство существования в прошлом марсианских

морей), а другой сжимал самодельный скребок. Кенгуру нес на плече два ломика.

Кенгуру без лишних разговоров приступил к делу. Чувствовалось, что эта работа была ему хорошо знакома. Иван, осыпаемый градом разноцветных ледышек, отошел в сторону.

— Почему земляне такие разные? — спросил кенгуру. — Трудно даже поверить, что вы с сержантом родились на одной планете.

«Нужно выручать ружьё, — думал Иван, берясь за лом. — Без него я пропал».

К сумеркам не была сделана и половина работы. Кенгуру совсем обессилел и едва тюкал ломиком. Иван также не испытывал трудового энтузиазма.

— Отбой! — раздался вдруг громовой голос.

Иван выглянул и увидел толстенный заскорузлый пень ростом по пояс человеку. За ним волочилось множество длинейших

перепутанных конечностей — не то корней, не то щупалец. Некоторые из них были толщиной с руку, другие — тоньше человеческого волоса. Какие-либо признаки рта или глаз отсутствовали.

— Отбой! — вновь заревел пень. — Всем вернуться в казарму!

Днем этот мыслящий обрубок спал, наполовину зарывшись в песок, а ночью бессменно нес караульную службу. Марсианский климат был для него не хуже любого курорт

— Пошли, — сказал Иван кенгуру. — Черт с ней, с работой. Что будет, то будет.

Один ломик он прихватил с собой. Пень, запыхтев, как паровоз, уполз в быстро сгущавшуюся темноту. Оставленный им след — широкую, будто проведенную гигантской метлой полосу — быстро засыпал песок.

о о о

Первую половину ночи Иван провел без сна, во всех деталях обдумывая предстоящее дело. Рисковать он не любил, но в свою удачу верил. А выручить его могла только удача.

Когда казарма окончательно уgomонилась, Иван встал и, не надевая шубы, осторожно прокрался к выходу. Кенгуру, напоминавший в полумраке нерешительного самоубийцу, проводил его удивленным взглядом.

Крошечная кривая луна давала совсем мало света. Туалет гудел и постанывал на ветру.

«Чтоб ты развалился», — подумал Иван, вглядываясь в черный горизонт, далеко-далеко, за краем плаца, он разглядел, наконец, медленно перемещающуюся точку. Подозрения Ивана подтвердились — караульный пень занимался мародерством. Оседлав одну из трещин, он с помощью своих длинейших корней-щупалец высасывал драгоценную влагу из поврежденного коллектора. Занятый своим

воровским делом, он вряд ли мог заметить распластавшегося на песке Ивана.

Подгоняемый ветром, Иван, где ползком, где катясь, добрался до входа в подвал. Что ожидало его там — хитроумная сигнализация, секретные замки, какая-нибудь тварь с инфракрасным зрением или радаром на носу, — Иван не мог даже предполагать.

Первая дверь открылась без особого труда, но со второй вышла заминка. Лом скользил по металлу, словно гвоздь по стеклу, а в любую из щелей невозможно было просунуть даже иголку. Хотя в спину нестерпимо дуло, Иван вскоре вспотел. Чтобы не выдать себя шумом, он захлопнул за собой наружную дверь, и спустя мгновение неподатливая стальная плита распахнулась от первого же толчка.

«Тьфу ты! — с досады Иван плюнул. — Ну, неужели, — подумал он, — трудно было догадаться, что две соседние двери не могут быть открыты одновременно».

С третьей дверью не возникло никаких проблем, и Иван оказался в абсолютной темноте подвала. Минут пять он лежал, прислушиваясь, но здесь было гораздо тише, чем в самой глухой земной пещере, — не капала вода со свода, не шуршали мыши.

На четвереньках Иван пересек подвал и уткнулся головой в кучу холодного металла. По его соображениям, ружьё должно было валяться где-то здесь, и, скорее всего, не слишком далеко от края. Вряд ли сержанту пришло в голову засунуть его куда-нибудь еще. Для ориентира Иван установил свой единственный ботинок и, двигаясь вправо от него, стал ощупывать все лежащие сверху образчики марсианского оружия. Хотя в подвале было и не так холодно, как на поверхности, пальцы вскоре онемели. Пришлось работать одной рукой, отогревая другую дыханием. Какая-то тонкая спиральная конструкция стукнула Ивана электрическим разрядом. Потом острые металлические челюсти пребольно

прихватили два пальца на левой руке. Иван нащупал что-то круглое и увесистое («Только бы не мина», — подумал он) и несколько раз ударил чуть пониже захваченной кисти. Взвизгнуло так, словно лопнула пружина, и пальцы освободились.

Закончив исследование правой части свалки, Иван перешел налево. Он уже начал терять всякую надежду, когда, коснувшись очередной холодной и шершавой болванки, услышал:

— Ты не забыл меня? Ты пришел за мной!

— Уф-ф! — вырвалось у Ивана. —
Наконец-то!

— Как мне здесь надоело! Кошмар какой-то!

— Погоди, я ничего не вижу.

— Я буду показывать дорогу. Мои зрительные центры воспринимают все виды излучения.

Когда они выбрались на поверхность, Иван, прикрывая лицо от секущего вихря, спросил:

— Никого не видно поблизости?

— Если линию твоего носа принять за меридиан, то в семи градусах вправо на расстоянии примерно тысячи шагов кто-то стоит. Шлепнуть его?

— Не надо. Он нас не видит?

— Когда увидит, будет поздно. Жми на спуск!

— Нам нельзя поднимать шум.

— Шума не будет. Он и пикнуть не успеет.

— Шум будет утром, когда найдут труп. Потерпи, сегодня тебе хватит работы.

о о о

Иван проснулся раньше всех, тщательно оделся и спрятал ружьё под шубой.

— Ты догадался, куда я ходил? — спросил он у кенгуру, когда встретился с ним у выхода. — Если что — поможешь мне. Я на тебя надеюсь.

— Мне что-то нехорошо, — сказал кенгуру.

— Мне тоже, — признался Иван.

Во время построения он затесался во вторую шеренгу, вытолкав кенгуру вперед. Сержант, сцепив руки за спиной и глядя себе под ноги, разгуливал по плацу. Откуда-то появился черный уродец и пристроился на левом фланге. На мгновение Иван поймал колючий взгляд его крохотных треугольных глазок.

— Команды «смирно» не слышали?! — рявкнул сержант. — Не шевелиться!

Левая рука, локтем которой Иван придерживал ружьё, уже занемела.

— Слушай меня внимательно, — беззвучно сказал он. — Всякое может случиться. Сейчас я нажму на спуск, но ты выстрелишь

только тогда, когда мне будет угрожать опасность.

— Она тебе уже давно угрожает, — ответило ружьё. — Видишь, у сержанта обе кобуры расстегнуты. Он что-то подозревает.

— Сержантом ты займешься в первую очередь.

— Я из него лепешку сделаю.

— Не надо. Просто дай ему хорошенько по морде. Он нам еще может пригодиться.

— С какой силой дать?

— Ну, примерно, если бы камень величиной с мой кулак упал с высоты двадцати... нет, лучше — десяти метров.

— Хорошо... Внимание, сержант идет сюда.

— Ну-ка, хвостатый, выйди из строя, — приказал сержант. — Десять шагов вперед, марш!

Кенгуру послушно отмерил десять шагов вперед и повернулся лицом к строю.

Сержант взял из его рук оружие и стал придирчиво рассматривать со всех сторон.

— Запустил, — сказал он. — Не чистишь. А ведь времени у тебя хватает. Ведь ты не спишь по ночам?

— Не сплю, — сознался кенгуру.

— Тогда ты должен знать, кто выходил из казармы сегодня ночью.

— Я не знаю.

— Ах, ты не знаешь! Зато я знаю!

Тут Иван почувствовал, как что-то твердое уперлось ему в поясницу.

— Подними руки! — провизжал сзади горбун, тыкая в Ивана «погонялкой» — разрушителем нервной ткани. Убить из нее было трудно, зато изувечить на всю жизнь очень даже просто.

Ружьё выскользнуло у Ивана из-под шубы, и подошедший сержант ногой отшвырнул его туда, где уже лежало оружие кенгуру.

— Молодец, — похвалил сержант горбуна.
— Можешь идти. А ты, — его палец уперся в грудь Ивана, — становись рядом с дружкой. Не бойся, суд у меня короткий.

Иван глубоко вздохнул и огляделся. Горизонт исчезал в ржаво-красных смерчах. В небе жидких химических чернил, вокруг маленького солнца мерцали звезды. Строй замер. Карлик, словно ожидая чего-то, остановился шагах в двадцати. Кенгуру, повесив голову, чертил хвостом по земле. Надо было на что-то решаться.

— Закрой пасть! — сказал Иван сержанту.
— И не дергайся! Отныне здесь выполняются только мои приказы!

Сержант правой рукой лапнул за рукоятку плазмомета, но в это же мгновение на том месте, где лежало телепатическое ружьё, взметнулся высокий столб пыли. Сержант получил по скуле удар, который вряд ли когда доставался хотя бы одному боксеру-тяжеловесу. Крутнувшись на месте раза три, он сел на песок. Из носа выползла красная

сопля и тут же замерзла. Иван перепрыгнул через сержанта и схватил ружьё.

— Всем сложить оружие! — крикнул он.

Строй завыл, заверещал и рассыпался. Закрыв глаза, Иван нажал на спуск. Раздались вопли и стоны. Горбатый карлик тряс вывихнутой рукой, а кто-то еще — зашибленной клешней.

— Ну, кому не хватило?! — крикнул Иван.
— Предлагаю в последний раз: всем сложить оружие! А теперь кругом! Десять шагов вперед! Шагом марш! А ты, — это уже относилось к кенгуру, — собери оружие. Назначаю тебя своим заместителем.

После этого Иван лично разоружил сержанта.

— Ты разжалован в рядовые, — сказал Иван.

— Не имеешь права, — промычал сержант.

— Имею. Отныне я для тебя — президент, министр армии и адмирал флота! Понял? Не слышу ответа.

— Понял, — вздохнул сержант.

— Тогда вставай и топай в туалет. Найдешь там ломик и всё остальное. К обеду закончишь работу, которую поручал нам. Качество проверю лично!

о о о

После того как общее волнение улеглось, разоруженный отряд в полном составе вернулся в казарму. Приволокся даже караульный пень.

Отсутствовали только сержант и охранявший его кенгуру.

— Общее собрание жертв марсианского милитаризма считаю открытым, — сказал Иван. — На повестке дня один вопрос — как отсюда выбраться. А может, есть желающие остаться?.. Нет таких? Тогда продолжим...

В это время в дверях появился кенгуру.

— Что случилось? — забеспокоился Иван.

— Я же приказал тебе глаз не спускать с сержанта.

— Может, отпустим его? — пробормотал кенгуру. — Жалко...

— Эх ты, — сказал Иван. — А еще семьдесят три класса кончил.

— Давайте я покараулю, — предложил свои услуги свирепый библиотекарь с планеты Шиддам. — Он у меня и шага в сторону не сделает.

— Иди, — разрешил Иван. — Потихе, граждане... Я не кончил. Чтобы найти способ, как нам выбраться отсюда, надо знать, как мы сюда попали. Вряд ли каждому из нас для этой цели выделяли персональный звездолет. К примеру, как ты сюда попал? — вопрос относился к караульному пню.

— Меня оглушил шальной метеорит, — проорал тот.

— А потом? Только потише.

— Очнулся уже здесь.

— А я, как обычно, залег в спячку, — сказал кенгуру. — Проснулся на Марсе, упакованный в мешок.

— Меня публично уморили голодом за неуплату подоходного налога, — сказал шар, состоящий из костяных шестиугольников. При этом два верхних сегмента приподнялись, обнажив речевой аппарат, похожий на сложенные в кукиш пальцы.

— А я подавился костью лесного скрипуна. Вот такой! — сказал стегозавр, приподняв первую и третью левые конечности.

— Меня, очевидно, задушила ночью жена, — задумчиво сказал долговязый денебец.

— Я утонул в метановом озере...

— Я провалился в ледниковую трещину...

— Меня отравили в собственной норе...

— Стоп! — остановил галдеж Иван. — Это не митинг, орать не надо. Короче — как я

понимаю, каждый из нас был доставлен сюда в неживом, так сказать, виде. Поэтому подробностей путешествия никто не помнит. Есть тут кто-нибудь, кто попал на Марс при других обстоятельствах?

— Вот кого надо спросить, — сказал кенгуру, указывая на мирно похрапывавшего под нарами медведя. — Его разум не кроется в его мозгу, как у всех нас, а находится с ним в симбиозе. Возможно, этот разум помнит, что было с телом после смерти.

— Возможно, — сказал Иван. — Но только как заставить его говорить?

— Поместить в теплое место, и всё.

— Легко сказать. Костер здесь гореть не будет... А впрочем... Есть идея!

Из складского подвала приволокли огромный бронзовый котел без крышки и подвесили его в проходе между нарами. У архенарца, дышавшего ацетиленом, временно одолжили запасной баллон. Под котлом навалили груды булыжников и

направили на них газовую струю. Ацетилен Иван поджег трофейным плазмометом. На дно котла из предосторожности насыпали толстый слой песка. Труднее всего было засунуть в котел медведя, но с этим справились сообща. Затем котел накрыли одеялами и стали ждать.

— Не сварить бы его, — беспокоился Иван.

Через некоторое время булыжники раскалились, и воздух над ними задрожал от жары. Из котла слышалось глухое рычание, потом невнятное бормотание, в котором постепенно, всё чаще стали прорываться отдельные слова:

— Что?.. Где?.. А?.. Кто это?.. Где я?.. — голова медведя появилась над краем котла.

— Ты находишься на планете Марс в Солнечной системе, — скатал Иван, исчерпав тем самым почти все свои познания в астрономии.

— Почему здесь так холодно? — промычал медведь.

— Потому что климат такой, — развел руками Иван. — Как ты попал сюда?

— Куда — сюда?

— Тебе же объяснили. На планету Марс. И жару, ребята!

— Координаты! Укажите галактические координаты!

— Откуда я знаю. — пожал плечами Иван.

Тут вперед выступил черный карлик и, держа на отлете перевязанную руку, застрекотал, как дятел на сосне. Длиннющие цифры и непонятные символы сыпались минут пять. Когда он кончил, медведь застонал.

— О, Вечный Мрак, какая глушь!

Голова его исчезла, и некоторое время из котла слышались только сдавленные всхлипывания.

— Что это с ним? — удивился Иван. — Эй! — он постучал по краю котла. — У нас к вам есть несколько вопросов.

— Простите за минутную слабость, — голова медведя снова появилась над краем котла. — По каким конкретно вопросам вы бы хотели получить информацию?

— Каким способом вы попали сюда?

— Использование квази туннельных флуктуаций анизотропных фрагментов общей сингулярности позволяет веществу или излучению связать две любые точки пространства функцией, которая в глобальной инерционной системе отсчета может принять следующую форму...

— Кто-нибудь понял? — обратился Иван к товарищам по несчастью. — Нет?.. Перестарались! Убавьте пламя!

Однако приблизиться к котлу было уже невозможно. Какая-то невидимая сила останавливала всякого, кто предпринимал подобную попытку. Пламя, вырвавшееся из баллона, стало регулироваться само собой, а камни расположились более пологим

конусом. Медведь между тем продолжал вещать, как поп с амвона.

Схватив ружьё, Иван выскочил наружу и побежал туда, где под бдительным присмотром клювастого библиотекаря трудился разжалованный сержант.

— Послушай, — обратился к нему Иван, останавливаясь на расстоянии, недосягаемом для ломика. — Здесь должно существовать какое-то устройство для поддержания контактов с другими планетами. Не сомневаюсь, что ты знаешь о нем.

Сержант молча продолжал орудовать ломиком. На его лицо страшно было взглянуть.

— Видишь эту штуку? — Иван поладил ружьё. — Сейчас мы повторим всё сначала.

— Слышал я раньше про телепатические ружья, — сказал сержант. — Только не верилось, что хоть одно из них уцелело. Проморгал.

— Ты мне зубы не заговаривай. Считаю до трех.

— Ладно, — сказал сержант, со стоном выпрямляясь. — Но при одном условии. Меня вы тоже отправите на Землю. Надоело всё к черту!

— Вообще-то, условия диктуешь не ты. Но я согласен. Сейчас покажешь или еще поработаешь немного?

— Лучше сейчас.

о о о

— Что это ты задумал? — спросило ружьё, когда весь отряд гурьбой спустился в катакомбы Марса.

— Хочу ознакомиться с обстановкой, — ответил Иван. Снабженное импровизированным ремнем ружьё он нес за спиной и старался пореже к нему прикасаться.

— Сколько времени прошло, а я только три раза выстрелила!

— Завтра выстрелишь триста раз.

— Чудесно! Как я счастлива, что мы с тобой встретились! — воскликнуло ружьё. Как всякое влюбленное существо, оно верило теперь каждому слову своего кумира.

Туннель был узок, извилист и темен, как кишечник диплодока. Если бы не бледное фосфоресцирующее сияние, вспыхнувшее сразу же, как только шедший первым сержант вступил в лабиринт, — отряд, наверное, никогда бы не достиг цели.

Место, куда они, в конце концов, попали, внешне ничем не напоминало пункт управления космической связью, а походило скорее на какую-то полость в недрах живого, а может быть, и умирающего существа. Прямые углы, гладкие стены и какие-либо признаки симметрии отсутствовали. Своды то уходили в невероятную высоту, то, опускаясь, почти смыкались с полом. Под

ногами хлюпала густая черная жидкость. В разных местах быстро и равномерно трепетали огромные, многоцветные мембраны. И всё это было слеплено из разнообразнейших, перемешанных структур — то твердых и холодных, как мрамор, то податливых и теплых, как воск. В глаза везде бросались следы разгрома и запустения — пробоины с оплавленными или закопченными краями, какие-то безобразно свисающие обрывки, лохмотья бледной плесени, полусгнившие горы военных трофеев.

— Эта система была построена марсианами для транспортной связи с большинством обитаемых планет Галактики, — сказал сержант. — Ей, наверное, миллионы лет. Принцип действия я, конечно, не знаю. Что-то тут связано со свойствами пространства-времени. Вот приемо-передающая камера, — он указал на нечто, напоминающее саркофаг с откинутой крышкой. В нем свободно могло поместиться

существо размером с крупного носорога. — На всех планетах имеются точно такие же камеры.

— Ну, и как всем этим управлять? — спросил Иван.

— Как управляли марсиане, я не знаю, — сказал сержант. — При мне это делалось так. — Он постучал пальцем по обыкновенному облупленному номеронабирателю, всеми своими проводами прикрепленному к хрупкому ячеистому образованию, похожему на перевернутый термитник. — Набирайте любой номер от нуля до девяти девяток, и камера без задержки перебросит вас куда-нибудь.

— Как это — куда-нибудь? — возмутился Иван. — Нам куда-нибудь не надо!

— Эта штука, — сержант кивнул на «термитник», — может установить связь с сотнями миллионов обитаемых миров. Кто-то из наших земляков, — он исподлобья глянул на Ивана, — упростил ее как мог. Сейчас она

вроде телефона без телефонной книги. Все вы были вызваны на Марс лично мной набором нескольких простеньких комбинаций не то из трех, не то из четырех номеров. Вот только какие это номера — я, к сожалению, забыл.

— Значит, все мы оказались здесь случайно? — спросил Иван.

— Конечно. Если бы я стал крутить другую комбинацию, то и результаты были бы другие. На каждой планете у нас есть агенты. Я тоже когда-то был агентом на Земле.

— А память у тебя когда отшибло? — Иван подступил к сержанту. — Ну-ка, вспоминай номера!

— Сейчас... Э-э-э... Начал я не то с тысячи, не то с сотни...

— Начали вы с четырехсот сорока, а кончили пятьсот десятью, — сказал горбун. — Номера эти вы записали на бумажку. А

бумажку положили во внутренний левый карман.

— Точно! — хлопнул себя по лбу сержант.
— Вспомнил! А ты памятливым... сморчок!

— Вы мне бумажку сами показывали...

— Тихо! — прервал их Иван. — Не будем терять время. Кто под каким номером шел, ты, конечно, не помнишь?

— Как же я запомню! Вы же все в мешках и ящиках прибыли. Упакованные.

— Тогда делаем так, — сказал Иван. — Я сажусь в камеру. Кто-нибудь набирает номер. Я хорошенько рассматриваю то место, в котором окажусь, потом возвращаюсь и рассказываю — где был, что видел.

— Ты можешь попасть в такое место, что оттуда и кости твои не вернутся, — сказал библиотекарь.

— Антропоид для этой цели определенно не годится, — поддержал его разогретый и укутанный теперь в несколько шуб медведь.

— Тогда пошлите меня, — вперед вывалился пень. — Раньше я жил в жерле вулкана, пил кипящий олеум, ел замерзший азот и охотился за низко летящими метеоритами...

Подобрав щупальца, он залез в приемопередающую камеру, крышка за ним автоматически захлопнулась, и всё вокруг сразу затряслось и загудело, как гигантский трансформатор.

— Предупреждаю, — сказал сержант. — Сейчас на ваших планетах совсем не та историческая эпоха, в которой вы жили. Вернетесь вы в тот момент времени, из которого вас забрали, или нет, зависит от синхронизатора. Я умею его включать, но не умею регулировать, а он часто барахлит.

Кенгуру набрал номер 440, и гудение перешло в пронзительный вой.

— Он уже там, — крикнул сержант, стараясь перекрыть шум. — Включая механизм возвращения!

Длинной жердью он дотянулся до торчавшего из потолка грибо-образного предмета и соединил его с точно таким же, расположенным рядом. Сверкнула синяя искра, сотрясающий вой прекратился, и крышка камеры откинулась.

— Там два солнца, — сказал пень. — Большое белое стоит неподвижно, а маленькое красное быстро движется мимо него справа налево.

— А небо? Какого цвета там небо? — спросил костяной шар.

— Черное. И ветер покрепче, чем здесь. Гонит камни, огромные, как горы.

— Это Хетор! — завопил шар. — Пустите меня туда скорее!

Пень уступил ему место в камере, кенгуру снова набрал номер 440, а сержант проделал несложную манипуляцию жердью. Когда

крышка откинулась, все увидели, что в камере лежит только рваный и заношенный комбинезон и пара совершенно новых форменных ботинок, одним из которых немедленно завладел Иван. За счет остальной амуниции шар, вероятно, хотел погасить задолженность по подоходному налогу.

И пошло!

— Очень холодно, — говорил пень. — А давление такое, что и шевельнуться нельзя. В небе четыре луны. Но света от них меньше, чем от синего льда, который покрывает всё кругом.

Это была родина стегозавра.

— Огромные деревья до самых туч. А с них сыплются вот такие шишки. Одну я прихватил.

— Это не шишка, — сказал кенгуру. — Это впавший в спячку короед. А в дуплах больших деревьев наши города.

Он исчез так быстро, что Иван даже не успел с ним попрощаться.

— Очень приятное местечко. Небо оранжевое, а трава — малиновая. Такие, как ты, — пень самым толстым из своих щупалец указал на клювастого библиотекаря, — летают там целыми стаями.

— Прощайте, — сказал библиотекарь. — Всё случившееся с нами я зафиксирую на кремниевых микроматрицах.

Спустя час возле камеры остались только Иван, сержант, долговязый денебец и медведь в нескольких шубах.

— Я покину Марс последним, — сказал медведь. — С этим примитивным устройством я вполне справлюсь и один. Лишь бы не остыть.

В который раз уже хлопнула крышка камеры. Пень еще ничего не успел сказать, а сердце Ивана заколотилось. На внутренней поверхности крышки трепетал мокрый кленовый листок.

— Ничего себе планетка! — проворчал разведчик, покидая саркофаг. — Не успел я толком осмотреться, как какой-то голый дикарь ударил меня вот этой штукой. — Из клубка щупалец выпал грубо обработанный каменный топор.

— Ну? — Иван грозно глянул на сержанта. — Что это за фокусы?

— Я же предупреждал, что блок синхронизации барахлит, — пожал плечами сержант. — Ничего страшного. И в каменном веке жить можно. Военные специалисты всегда пригодятся.

— Еще чего! В каменный век! У меня невеста дома осталась! Ну-ка, быстро — регулируй свой синхронизатор, пока цел!

— Отрегулировать не проблема, — сержант по локти запустил руки в нутро саркофага. — Проблема в том, что из всего этого получится... Ну, вот, кажется, готово.

— Ты первый! — Иван пихнул сержанта в камеру.

Медведь подхватил шест. Блеснуло, взвизгнуло — и вот уже саркофаг вернулся свободным.

В висках Ивана уже давно покалывало — ружьё напрашивалось на разговор.

— Что это ты задумал? — плаксиво спросило оно, едва только Иван ладонью коснулся ствола.

— Возвращаюсь домой.

— А война?

— Как-нибудь обойдемся. Времени нет.

— Подлец! Ты загубил мне жизнь!

— О жизни ты лучше помолчи, ржавая железяка, — пробурчал Иван, залезая в камеру.

Крышка над его головой щелкнула, и наступила тишина.

○ ○ ○

Еще даже не открыв глаза, Иван понял, что очутился на Земле. В лицо брызгал мелкий дождик, где-то кричали дикие гуси, в глотку вливался густой, чистый, богатый кислородом воздух. Иван подхватил ружьё и шагнул под своды ночного леса, напоенного ароматами смолы, хвои и прелых листьев.

— Ну, вот и всё, — сказал он. — Мы дома.

Ружьё молчало. Молчание это не предвещало ничего хорошего.

— Черт с тобой! — сказал Иван. — Позлись!

Он нашел заросшую папоротником поляну и задрал голову, стараясь отыскать в небе красную точку Марса. Левая нога за что-то зацепилась, и Иван, потеряв равновесие, рухнул в кусты.

— Лежи, где лежишь! — услышал он голос сержанта. — Вставать тебе уже не придется!

Иван не испугался, а лишь удивился тому, что лицо сержанта, смутно различимое в

свете полной луны, не только успело зажечь, но и покрылось порядочной щетиной.

— Что же ты, такой хитрый, в заячью петлю попался? — сказал сержант. Ствол ружья был направлен Ивану в грудь, а палец уже лежал на спусковом крючке. — Я тебя почти две недели поджидаю... Опять промашка вышла! Не в то времечко попали. Вроде всё, как было. Билдинги, пляжи, бетон, яхты. В небе самолеты. Цивилизация! Не то, что в твоей Монголии. В бар зашел. Вроде всё так, а вроде и не так. Одежда — это еще что... Девчонка с черномазым сидит — и ничего! В баре спиртного ни капли. Нацедили какой-то фруктовой бурды и даже денег не потребовали. А когда я поинтересовался, где здесь ближайший вербовочный пункт, на меня знаешь, как посмотрели? Даже тот жестяной болван, что вместо живого бармена за стойкой стоял! Нет, думаю. Это не по мне! Тут хуже, чем в каменном веке. Одна надежда — скоро должен приятель с Марса явиться. Я ему,

понимаешь ли, небольшую задержку подстроил. Чтоб встречу подготовить. Приятель этот мне совершенно не нужен, а вот ружьё его пригодится. Хорошее ружьё. С таким ружьём я здесь быстро порядок наведу. Прямо сейчас и начнем...

Выстрел, грянувший почти в упор, оглушил Ивана.

Когда сознание вновь вернулось к нему, над поляной всё еще стоял столб удушливого дыма. Сержант лежал на спине, сучил ногами и жалобно стонал. Машинально пошарив перед собой в траве, Иван наткнулся пальцами на горячий ружейный ствол.

— Это — первый промах в моей жизни, — печально произнесло ружьё.

— О-о-о! — стонал сержант. — Рука! У меня вывихнута рука.

— Иногда у меня бывает очень сильная отдача, — невинным голосом пояснило ружьё.

— О-о-о! — продолжая выть, сержант медленно отползал к кустам.

— Может, добить тебя, чтоб не мучился?
— спросил Иван, морщась от боли.

— Не имеешь права! — сержант проворно сел. — Забыл, что я еще на Марсе сдался в плен? Теперь я нахожусь под защитой Женевской конвенции о военнопленных. Ты обязан накормить меня и обеспечить медицинской помощью.

— Я тебя обеспечу! Я тебя так обеспечу!..
— Иван вскинул ружьё к плечу. — А ну, катись отсюда, пока я добрый! И моли своего бога, чтобы мы с тобой больше не встретились!

Просить сержанта дважды не пришлось. Он попятился, потом не выдержал — рванул и канул в темноту.

— Почему ты не убил его? — с упреком спросило ружьё.

— Черт с ним, пускай живет, — не очень уверенно буркнул Иван.

— Тряпка! Для чего же тогда ты меня сюда приволок?

— Я и сам не знаю, — вздохнул Иван. — Знаешь, была мысль... Люблю я охоту. А двухстволочка у меня плохонькая.

— А что? — ружьё оживилось. — Это идея. Какая мне разница, в кого стрелять?

— Вот именно, — снова вздохнул Иван.

— Ты чего-то не договариваешь, — подозрительно сказала ружьё.

— Рассуди само, — Иван откашлялся. — Ну что ты такое есть на самом деле? Ружьё. Машина для стрельбы. Хотя и с мозгами. Стрелять для тебя — удовольствие. А каково тем, в кого ты стреляешь? Ты об этом хоть раз задумывалось? Убивать для тебя, как для меня дышать. Ну, допустим, проживем мы с тобой в свое удовольствие еще лет пятьдесят. Будем уток и зайчиков добывать. А потом? Кому ты достанешься? А если тебя завтра сержант украдет? Чем это кончится, ты знаешь не хуже меня... Тут не до шуток.

Я сначала, может быть, не всё понимал.
Спасибо сержанту. Открыл глаза.

— Ты хочешь меня уничтожить?! И это
после всего, что между нами было?!

— Подлец, не спору. Свинья
неблагодарная. Только другого выхода всё
равно нет. Хоть на дно океана тебя спрячь —
всё равно когда-нибудь да найдут. Спасибо
тебе за всё! И прости!

Иван глазами отыскал дерево потолще,
перехватил ружьё за ствол и размахнулся
изо всей силы...

о о о о